

ском искусстве до XVIII в., при этом особое внимание было уделено памятникам эпохи Ренессанса, а также проблемам семантики ренессансного гротескового декора и соединению в нем античных и средневековых традиций. *А.Н. Донин* (Нижний Новгород) в докладе «Подвиг Марка Курция в немецком искусстве эпохи Возрождения» отметил, что причинами популярности этого сюжета у немецких художников (таких, как М. Вольгемут, Л. Кранах, А. Альддорфер, В. Губер, Л. Рефингер и Г. Бальдунг Грин) были интерес к выдающимся личностям Древнего Рима, воинственный дух германцев, чувство духовной преемственности по отношению к римлянам, отождествление подвига с христианскими добродетелями, внимание к природе.

Из выступлений, прозвучавших на секции по истории Средних веков, вопросы рецепции античного наследия были затронуты в докладе *А.Н. Маслова* (Нижний Новгород) «Происки Паламеда, речи Агамемнона: к интерпретации темы отстранения от власти в средневековых рассказах о Троянской войне». Автор, обратившись к вопросу о том, какими дополнительными нюансами были обогащены небольшие эпизоды из «Истории о разрушении Трои», приписанной Дарету Фригийскому в ее средневековых парафразах XII–XIII вв., пришел к выводу, что принципиальная взаимосвязь вопроса о военном лидерстве с темой хорошего и дурного правления между Паламедом и Агамемноном в рамках средневековой традиции. В случае с «Романом о Трое» Бенуа де Сен-Мора важную роль играет и само акцентирование двумя героями необходимости соблюдать согласие в войске. Возможно, французский поэт, в отличие от Дарета Фригийского, исходил из желания обыграть не только воинские таланты и «организаторские способности» греческих вождей, но и их навыки в разрешении спорных ситуаций.

В рамках Чтений была организована открытая лекция о современных проблемах изучения архаической Греции доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Института всеобщей истории РАН И.Е. Сурикова, которая вызвала большой интерес у участников конференции и студентов исторического факультета ННГУ.

Все гости и участники конференции отметили высокий научный и организационный ее уровень и плодотворность дискуссий. На протяжении уже почти четверти века Научные чтения памяти профессора Николая Петровича Соколова успешно служат развитию исторической науки в Нижнем Новгороде и в России в целом.

А.В. Махлаук

© 2013 г.

XIV ЖЕБЕЛЁВСКИЕ ЧТЕНИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (31 октября – 2 ноября 2012 г.)

31 октября – 2 ноября 2012 г. на историческом факультете Санкт-Петербургского университета состоялись XIV Жебелёвские чтения, организованные кафедрой истории древней Греции и Рима и Центром антиковедения СПбГУ. В конференции, которая ежегодно собирает антиковедов со всей России, приняли участие ученые из Санкт-Петербурга, Москвы, Архангельска, Астрахани, Великого Новгорода, Казани, Нижнего Новгорода, Новосибирска, Саратова, Перми, Петрозаводска, Самары, Твери, Тобольска, Челябинска. За три дня работы конференции ее участники представили и обсудили 64 доклада. В рамках конференции, кроме двух пленарных заседаний, проходила работа шести секций: истории древней Греции, истории эллинизма, истории Рима, истории культуры античного мира, источниковедения и историографии античной истории, истории античного христианства.

Конференция открылась 31 октября 2012 г. вступительным словом заведующего кафедрой истории древней Греции и Рима, профессора *Э.Д. Фролова* «Гуманизм, классицизм, антиковедение – духовная триада, служившая основанием европейской цивилизации нового времени». Докладчик подчеркнул глубокую связь науки об античности с культурой классицизма, которая, в свою очередь, с давних пор опиралась на историко-филологическую греко-римскую традицию.

На первом пленарном заседании были прочитаны четыре доклада. *В.М. Строецкий* (Нижний Новгород) выступил с докладом «“Археология” Фукидида и отражение в ней древнейшего прошлого Эллады. Интерпретация текста». Автор доклада проанализировал обращение Фукидида в первой части «Археологии» (I. 2–9) к ранней истории Греции, в частности к вопросу о том, какой образ жизни

вели эллины в отдаленной древности – кочевой или оседлый, было ли население Аттики автохтонным, а также рассмотрел вопрос о том, как относился Фукидид к древним преданиям. *Р.В. Светлов* (Санкт-Петербург) в докладе «Элейский Политик в диалогах Платона» отметил, что образы элейских мудрецов начинают играть важную роль в платоновских диалогах зрелого периода, при этом особенно интересен некий «чужеземец из Элеи» в незавершенной трилогии «Софист» – «Политик» – «Философ». Автор доклада рассмотрел свидетельства о законодательной и политической деятельности элейских мудрецов, проанализировал поэтическое наследие Ксенофана Колофонского с точки зрения формирования нового образа мудрого полисного героя-правителя, а также сделал попытку соотнести политическую сторону идеологии и деятельности представителей элейской школы с концепцией политического мастерства в «Политике» Платона.

В докладе «Афинская трагедия глазами древнего комедиографа» *О.В. Кулишова* (Санкт-Петербург) отметила, что у Аристофана мы находим не только множество подробностей представления трагедии в афинском театре, но и пародийные портреты трагиков – классиков жанра и даже литературные дискуссии относительно принципов написания трагедии и задач этого жанра (особенно примечательна в этом отношении комедия «Лягушки»). *О.В. Кулишова* также подчеркнула, что древний комедиограф, пародируя трагедию, пользовался целым комплексом средств, рассчитанных на разный уровень компетентности зрителей: это не только ссылки на тексты трагедий (чаще всего, с помощью прямого цитирования или парафразы), адресованные прежде всего образованной публике, но и весьма значительный арсенал сценических средств (например, жесты и костюмы, пародирующие трагедийные), доступный для восприятия более широкой аудиторией. В докладе *Ю.Б. Циркина* (Санкт-Петербург) «Еще раз о римско-карфагенском договоре» был рассмотрен вопрос о датировке первого римско-карфагенского соглашения. По мнению автора доклада, все содержание договора показывает, что он был заключен в тот период, когда Рим имел гегемонию в Лации, т.е. до так называемого Кассиева договора римлян с латинами, но вместе с тем не позднее поражения римлян в войне с Порсенной. Поэтому единственной возможной датировкой *Ю.Б. Циркин* считает указание Полибия, относившего заключение договора к первому году Республики.

Во второй половине дня 31 октября начали работу секции. Первое заседание *секции истории древней Греции* (председатель – *О.В. Кулишова*) включало обсуждение пяти докладов. *М.Н. Химин* (Санкт-Петербург) в докладе «Знал ли Гомер сказание о Неоптолеме?» отметил, что кроме упоминаний о Неоптолеме в «Илиаде» (XIX. 326–327; XXIV. 466–467), которые ряд исследователей считает поздними вставками, можно выделить и целый ряд других пассажей, косвенно указывающих на то, что поэту было известно сказание о сыне Ахилла (IX. 668; XXII. 66–71; XXIV. 765–766). Однако, по мнению докладчика, сюжет о Неоптолеме вошел в миф о Троянской войне на довольно позднем этапе формирования мифа, когда он в основных своих чертах уже сложился. *С.М. Жестоканов* (Санкт-Петербург), выступивший с докладом «Коринфско-керкирский конфликт в VII в. до н.э.», указал, что столкновения между метрополией и колонией начались практически с момента основания Керкиры, а в середине VII в. до н.э., воспользовавшись ослаблением Коринфа, вызванным враждебными действиями аргосского царя Фидона, керкиряне полностью освободились от влияния метрополии. Однако после утверждения тирании Кипселидов Керкирой стали управлять сыновья коринфских тиранов, и лишь с падением тирании колония вновь приобрела полную автономию. Тем не менее напряженные отношения Керкиры с метрополией сохранились, и в конечном итоге их вооруженная конфронтация стала одним из поводов Пелопоннесской войны. *В.И. Шубин* (Архангельск) в докладе «Основание Тарента» подчеркнул, что античная традиция содержит немало противоречий относительно причин и обстоятельств основания колонии и состава первопоселенцев. По мнению *В.И. Шубина*, основание Тарента было акцией, организованной спартанским полисом с целью обеспечить средствами к существованию группу новых граждан, лишенных права на землю в метрополии. Предводитель колонистов Фаланф в этом контексте выступает в качестве официального ойкиста – полномочного главы переселенцев и основателя колонии. *Е.Е. Макарова* (Великий Новгород) в докладе «Культы ахейских колоний: к вопросу о самоидентификации ахейцев в Великой Греции» обратилась прежде всего к рассмотрению культа Геры и связанных с ее кругом героев, указав, что для ахейских колонистов именно поклонение Гере было одним из ключевых факторов их самоидентификации в религиозном плане. Доклад *Н.А. Шергиной* (Санкт-Петербург) «“Счастье” Поликрата» был посвящен главным образом анализу сообщений Геродота, который при описании событий, связанных с самосским тираном, неоднократно употребляет слово *εὐτυχία* и однокоренные ему (Herod. III. 39–40).

В этот же день начала работу *секция истории эллинизма*, на первом заседании которой (председатель – *Ю.Н. Кузьмин*) было представлено пять докладов. Доклад *М.М. Холода* (Санкт-Петербург) «Македонский экспедиционный корпус в Малой Азии (336–335 гг. до н.э.)» был посвящен действиям авангарда македонян, вторгшегося в пределы Персидского царства по приказу Филиппа II весной 336 г. до н.э. Докладчик остановился на определении целей македонского монарха, на составе

военных сил, предпринял попытку реконструировать ход военных действий в Малой Азии в 336–335 гг. и оценил результаты, которых добился македонский экспедиционный корпус к началу восточных походов Александра Великого. *Ю.В. Бабенкова* (Санкт-Петербург) в докладе «Проблема протоэллинизма в Понтийском регионе (по материалам Гераклеи Понтийской)» охарактеризовала особенности развития Гераклеи в правление тиранов Тимофея и Дионисия: в это время происходит расширение территории полиса, складывание царской земельной собственности, формирование новой элиты из торгово-ремесленных слоев, изменение положения правителя Гераклеи, возникает новое качество культуры в полисе, а во внешней политике при этом акцент делается на династических взаимоотношениях. *О.Ю. Климов* (Санкт-Петербург) в своем выступлении на тему «Практика принятия политических решений эллинистическими царями», проанализировав данные античной традиции, обратил внимание на многочисленные примеры участия «друзей» и «совета друзей» в принятии царем решений и сделал попытку определить истоки подобной политической практики. По мнению автора доклада, она коренится в античном «культурном коде», охарактеризованном Г.С. Кнабе, – в традиции коллективного обсуждения ответственных решений, в представлении о том, что носителем мудрости и опыта является коллектив. *Е.А. Венедиктова* (Казань) в докладе «О тирании в аргосском полисе в эллинистический период» подчеркнула, что аргосская тирания (272–229 гг. до н.э.) является продолжением младшей тирании, однако она возникла не только в связи с кризисом полиса, но и стала возможна благодаря внешнему фактору – поддержке македонских царей. *А.И. Юрин* (Санкт-Петербург) в докладе «Социальная структура македонского полиса в эллинистическую эпоху», опираясь в основном на эпиграфический материал из Берои, Фессалоники и других полисов, рассмотрел социальную стратификацию македонского города, начиная с местной аристократии и заканчивая низшими слоями вольноотпущенников и рабов.

31 октября состоялось также первое заседание *секции истории древнего Рима* (председатель – В.Н. Парфенов), на котором было обсуждено семь докладов. *А.В. Васильев* (Санкт-Петербург) в докладе «Институт помощников царя и его значение для генезиса магистратской власти в Риме» указал, что в ряду этих должностных лиц традиция упоминает трибуна целеров, городского префекта, дуумвиров по государственным преступлениям и уголовных квесторов. Обратившись к анализу источников, докладчик заключил, что сомнения некоторых историков в их существовании уже в царскую эпоху не имеют под собой достаточных оснований. Кроме того, А.В. Васильев подчеркнул принципиальную разницу дуумвиров и квесторов и важность последней должности для формирования магистратской власти в Риме. В докладе «Об эффективности тактики Фабия Максима в 217 г. до н.э.» *А.В. Короленков* (Москва) отметил, что в античной историографии господствовала точка зрения, согласно которой примененная Фабием Максимом тактика выжженной земли была единственно верной и возможной в условиях борьбы с Ганнибалом, а сам Фабий являлся одним из крупнейших героев войны наряду с Клавдием Марцеллом и Сципионом Африканским. Эта позиция, которой, пусть и с оговорками, придерживается в целом также историография нового и новейшего времени, нуждается в значительной корректировке. Автор доклада пришел к заключению, что Фабий как полководец показал с себя с худшей стороны, а слабость римлян в тот период состояла не столько в качестве их армии, сколько в невысоком уровне командного состава. Еще одному римскому полководцу эпохи борьбы с Ганнибалом был посвящен доклад *А.Б. Никольского* (Астрахань) «Образ Гая Теренция Варрона в античной традиции». Докладчик указал, что античные авторы обвиняют в поражении римской армии под Каннами Гая Теренция Варрона, консула 216 г. до н.э., хотя, судя по косвенным признакам, руководил сражением его коллега по консульству – Луций Эмилий Павел. По мнению А.Б. Никольского, Гай Теренций превратился в античной традиции в единственного творца каннской катастрофы благодаря популярности трудов Полибия и Тита Ливия, первый из которых пользовался покровительством Сципиона Эмилиана, внука Луция Эмилия Павла, а второй превратил Гая Теренция Варрона в лидера плебса, похожего на фигуру Клодия, участника событий, протекавших на римском форуме в эпоху гражданских войн.

В докладе «Структура итальянского землевладения II в. до н.э. и аграрное законодательство Гая Гракха» *В.Г. Тельминов* (Новосибирск), опираясь на сопоставление текстов аграрного закона 111 г. до н.э. и других источников с археологическими материалами, сделал вывод, что на итальянских «общественных полях» существовала многоуровневая система взаимозависимости, в которую входили поземельные общины разного статуса, крупные посессоры и, наконец, римское государство как собственник поля. *В.К. Хрусталёв* (Санкт-Петербург) представил доклад на тему «Трибунал Гая Корнелия и судебные процессы над ним в 66–65 гг. до н.э.». Обратившись к вопросу о хронологии событий трибуната Корнелия (67 г. до н.э.), докладчик сопоставил варианты античной традиции, сохраненные Дионом Кассием и Асконом. Указав на связи Корнелия с Гнеем Помпеем, В.К. Хрусталёв охарактеризовал уголовные процессы, инициированные против Корнелия в 66–65 гг., как атаку со стороны относительно узкой группы внутри нобилитета, направленную прежде всего на подрыв

авторитета Помпея. *Е.В. Смыков* (Саратов) в докладе «Цицерон, Дейотар и Цезарь» указал, что речь Цицерона «Pro rege Deiotaro» содержит важный материал для характеристики отношений между римскими политиками и зависимыми царями в годы гражданских войн. Беспрецедентные обстоятельства этого процесса позволили ряду исследователей (О. Зелю, Э. Ольсхаузену, Х. Ботерману и др.) провести аналогию с «тоталитарной юстицией» XX в., а в речи усмотреть скрытый подтекст и сатиру на Цезаря. По мнению *Е.В. Смыкова*, анализ содержания речи не дает оснований для таких выводов: Цицерон не отрекается от своих республиканских связей и симпатий, он воздаст должное Помпею – но одновременно с этим восхваляет и Цезаря, и Дейотара, которого некогда связывала дружба (*amicitia*) и с тем, и с другим. *И.П. Портиягина* (Тверь) в докладе «Отец и дочь в римском обществе» подчеркнула, что высокой эмоциональной оценке дочерей в сравнении с сыновьями противостояли ущемление их интересов в завещаниях и использование дочерей в качестве брачных партнеров при создании политических альянсов (примером служат браки дочери Августа Юлии Старшей). Пример Цицерона, который проявлял чрезвычайную нежность к своей дочери, был исключительным для римского общества времени Республики, но в эпоху Империи, согласно письмам Плиния Младшего, он становится более общепринятым.

1 ноября работа секций была продолжена. На втором заседании *секции истории древней Греции* (председатель – Ю.Б. Циркин) было представлено шесть докладов. В докладе «Исторический ландшафт древней Ионии в контексте новейших археологических открытий» *М.Ю. Лаптева* (Тобольск) отметила, что необыкновенно возросший объем археологического материала в начале XXI в. вновь (после М. Финли) породил соблазн интерпретировать данные археологии независимо от свидетельств письменной традиции, и привела убедительные доводы в пользу комплексного использования данных археологии и письменных источников в реконструкции истории Ионии XI–VI вв. до н.э. В докладе *Ю.Н. Кузьминой* (Москва) «Сакральная топография центральной части Фанагории» были рассмотрены, прежде всего, три культовых комплекса, исследованных в ходе раскопок на участке «Верхний город» в центральной части городища. Благодаря результатам археологических изысканий последних десятилетий стало очевидно, что если в позднеархаическое время в центральной части города здания общественного назначения еще соседствуют с жилыми и даже производственными, то в классический и эллинистический период эта часть города превращается только в общественный центр. В докладе «По поводу “фронтонной архитектоники” и о финале труда Геродота» *А.А. Сеницын* (Санкт-Петербург–Саратов) высказал ряд замечаний по поводу новой гипотезы И.Е. Сурикова об использовании Геродотом приема, связанного с именем Фукидида: описывать события по годам военных кампаний. По мнению А.А. Сеницына, Геродоту был хорошо известен хронологический принцип повествования, однако для него он не стал определяющим, при этом скорее, наоборот, Фукидид, который, конечно, был знаком с трудом Геродота, использовал этот прием, сделав его структурообразующим при описании событий Пелопоннесской войны.

В.В. Андерсен (Санкт-Петербург) в докладе «Созерцательность Ксеркса как литературный прием и психологическая характеристика в “Истории” Геродота» отметил, что изображая Ксеркса во время похода на Грецию проявляющим особый интерес к местным «достопримечательностям» (VII. 43; 129; VIII. 26), Геродот преследует двойную цель. С одной стороны, фигура Ксеркса встает в один ряд с царями-«исследователями» Псамметихом (II. 2) и Дарием (V. 12) и дает возможность историку вести рассказ с характерной для него «туристической» (ср. классическую статью Дж. Редфилда «Турист Геродот») точки зрения. Однако с другой стороны, «праздная созерцательность» Ксеркса (особ.: VII. 84; VIII. 87 сл.) противопоставляется активной деятельности как необходимой характеристике идеального правителя (ср. IV. 44; V. 29). Анализ свидетельств Геродота был посвящен и доклад *А.К. Нефедкина* (Санкт-Петербург) «Противники эллинов: тактика персидской пехоты первой половины V в. до н.э.». *М.В. Поникаровская* (Санкт-Петербург) в докладе «Эсхил: драматург и религиозный мыслитель» отметила, что в то время как новаторские заслуги Эсхила в искусстве сценического действия не подлежат сомнению, в области религиозных взглядов его принято считать консерватором. На основании анализа текстов трагедий Эсхила М.В. Поникаровская предприняла попытку доказать, что Эсхил привнес немало нового и в религиозную мысль своего времени.

Параллельно проходило второе заседание *секции истории древнего Рима* (председатель – Б.С. Ляпистин), на котором было обсуждено пять докладов. Заседание открылось докладом *М.В. Белкина* (Санкт-Петербург) «Сервилия – организатор убийства Цезаря: художественный вымысел или историческая реальность?». В популярном сериале «Рим» Сервилия показана главным организатором и вдохновителем заговора против Цезаря в 44 г. до н.э. Отвечая на вопрос, основан ли такой поворот сюжета на исторических фактах, М.В. Белкин указал, что наши сведения о Сервилии достаточно скудны, и хотя она, бесспорно, играла заметную роль в политической жизни Рима 60–40-х годов до н.э., точных указаний на ее причастность к заговору против Цезаря в источниках нет. Вместе с тем все, что нам известно о характере Сервилии, делает подобную версию вполне правдоподобной.

Е.В. Ляпустина (Москва) в докладе «Муниципальные штрафы в контексте эпиграфической традиции» показала, как изучение городского устава колонии Юлии Генетивы (*lex Ursonensis*), текст которого восходит ко времени Цезаря и Марка Антония, но дошел до нас в редакции, высеченной на бронзе в эпоху Флавиев, позволяет пролить свет на возможное происхождение трехчлена *actio petitiō persecutio*. Этим словами исчерпывающим образом описывалась правовая позиция гражданина, инициировавшего судебное дело о правонарушении, каравшемся штрафом, идущим в городскую казну и составлявшим важную доходную статью муниципального бюджета. Два следующих доклада были посвящены образу Домициана, последнего из династии Флавиев, и его политике. По мнению *В.Н. Парфенова* (Саратов), выступившего на тему «Внешняя политика последнего Флавия и первых Антонинов: преемственность или разрыв?», при Домициане была разработана новая внешнеполитическая концепция, суть которой заключалась в отказе от традиционной экспансии и переходе к стратегической обороне, с прикрытием наиболее уязвимых участков границы «буферными» государствами или дружественными Риму племенами. На тех направлениях, где при первых Антонинах данная внешнеполитическая линия была продолжена, ситуация стабилизировалась на десятилетия, тогда как отступление от этих принципов неизменно приводило к кризису. Автор доклада заключил, что основа «золотого века Антонинов» в немалой степени была заложена при Домициане. В докладе *Е.Л. Смирновой* (Петрозаводск) «Финансовая политика Домициана» особое внимание было уделено вопросу о возможных причинах складывания в античной традиции негативного образа Домициана. Финансовая политика Домициана во многом продолжала политику Веспасиана и Тита, а противопоставление Домициана первым Флавиям и негативные оценки его в античной традиции связаны прежде всего с приверженностью этого правителя к чрезмерно жесткому распределению финансового бремени без учета расстановки общественных сил, а также с известными идеологическими просчетами. В докладе *Т.В. Кудрявцевой* (Санкт-Петербург) «Римские законы о магии» были проанализированы так называемые антимагические статьи законов XII таблиц, а также единственный известный нам процесс, в котором обвинения были выдвинуты именно по закону о сведении урожая с помощью магических манипуляций – процесс Гая Фурия Кресима (первая половина II в. до н.э.). Особое внимание в докладе было уделено статье о «злой песне» (*malum carmen*): разбирая различные мнения, высказываемые еще со времен античности, Т.В. Кудрявцева пришла к выводу, что изначально в кодексе речь шла именно о ворожбе, но так как выражение «*malum carmen*» могло пониматься широко, в последующие века произошло определенное искажение (или расширение) смысла данной статьи и возникло позднее толкование данного закона как направленного на защиту чести и достоинства.

Во второй половине дня работа секций продолжилась. Второе заседание секции истории эллинизма (председатель – М.М. Холод) открылось докладом *Ю.Н. Кузьмина* (Самара) «Антигониды и Кавн», посвященным разбору опубликованного в 2006 г. Кр. Марексом декрета из Кавна в Карии, датированного 15-м годом правления некоего Антигона (*IvKaunos*, 4). Автор доклада указал, что среди трех царей, которые носили это имя и чьи интересы в разное время были связаны с Карией, Антигон II Гонат (283–239 гг. до н.э.) был единственным, правление которого продолжалось более 15 лет, и привел доказательства, которые, на его взгляд, делают несостоятельными попытки некоторых исследователей, основывающихся на гипотезе Э. Гржибека, датировать эту надпись правлением Антигона Одноглазого. Эта надпись, которая нуждается в детальном историческом исследовании, может существенно изменить наши представления о политике Антигона Гоната и позволяет лучше понять причины особенного интереса к Карии со стороны последующих Антигонидов – Антигона III Досона и Филиппа V. *А.Г. Грушевой* (Санкт-Петербург) в докладе «Попечение о храмах и культах в монархии Селевкидов (по данным надписей)» подчеркнул, что поддержание на должном уровне функционирования храмов и храмовых хозяйств было предметом заботы властей на разных уровнях. При этом монарх сравнительно редко вмешивался в решение вопросов о нуждах храмов. Почти всегда такие решения принимались им на основании прошения горожан и сводились к благосклонной резолюции, передававшейся сатрапу для воплощения в жизнь. *С.В. Смирнов* (Москва) посвятил свой доклад «Восточная политика Селевка II в свете новой надписи из Ирана» анализу опубликованного в 2012 г. уникального царского письма Селевка II (*CInIr. II. Vol. I. 80 bis*). Анализ текста показывает, что власть Селевкидов на Востоке в середине III в. до н.э. несмотря на явный упадок все же сохраняла крепкие позиции и вполне могла противостоять сепаратизму отдельных сатрапий.

Е.Г. Тейтельбаум (Казань) в докладе «Эллинистические воззрения на качества военачальника: некоторые проблемы терминологии» подчеркнул, что если в классический период основными качествами военачальника считались отвага (*τόλμα*), мужество (*ἀνδρεία*), честолобие (*φιλότης*), то в эллинистический период приоритет стал отдаваться интеллектуальным качествам. Среди последних докладчик выделил следующие наиболее употребляемые понятия: *πρόνοια* – умение заранее рассчитывать ход военной операции, *λογισμός* – умение находить выход в случае непредвиденного развития обстоятельств, наконец, *ἄγχινοια* – понятие, которым обозначалась совокупность умственных качеств военачальника. Преобладание подобных терминов свидетельствует как о росте профессиона-

лизм эллинистической военной элиты, так и о рационализации военного дела этого периода. Доклад *А.Б. Шарниной* (Санкт-Петербург) «Афинская пропаганда в конце II в. до н.э.» был посвящен анализу сохранившегося постановления совета дельфийских амфикионов (117 г. до н.э.) о признании привилегий афинского союза технитов Диониса (Syll³ 704 E), 20 строк которого посвящены восхвалению Афин. Текст документа мог быть составлен представителем Афин в амфикионии и может рассматриваться как образец афинской пропаганды. В этом случае он оказывается важным звеном в процессе формирования афинскими интеллектуалами представления об Афинах как источнике и центре цивилизации и благодетеле человечества, которое затем утвердилось в греко-римской традиции. *М.П. Трофимов* (Пермь) в докладе «Образ идеального правителя в “Исторической библиотеке” Диодора Сицилийского» подчеркнул, что в историографии сложилось устойчивое мнение об аполитичности Диодора и об отсутствии в его сочинении выраженных политических симпатий и следов политических теорий. Однако ряд образов исторических деятелей, созданных сицилийским писателем, по мнению докладчика, дает вполне определенное представление об образе идеального правителя и качествах, которыми тот должен обладать.

Заседание *секции истории античной культуры* (председатель – В.М. Строгеецкий), на котором было представлено шесть докладов, открылось выступлением *А.С. Горского* (Санкт-Петербург) на тему «Почему Дионис никогда не пил из мелкой посуды?» Отвечая на поставленный вопрос, автор доклада, проанализировав иконографию Диониса и свидетельства античной традиции об особенностях симпозиев, пришел к выводу, что килик, почти не встречающийся в иконографии этого божества, был сосудом, который предназначался для умеренного питья и с помощью которого пирующие сознательно ограничивали власть Диониса над собой, что самому богу, конечно же, было ни к чему. Доклад *К.В. Вержбицкого* (Санкт-Петербург) «Римская свирепость: факты и мифы» был посвящен опровержению широко распространенного взгляда на гладиаторские игры как на свидетельство особой жестокости и кровожадности римлян и как на неотъемлемую часть римского национального характера. Докладчик указал на свидетельства как греческих (Николая Дамасского, Аппиана Александрийского и др.), так и римских (Тита Ливия, Цицерона, Тацита) авторов, сообщающих ценные сведения о существовании обрядов, аналогичных римским гладиаторским играм, в других итальянских и средиземноморских культурах и цивилизациях, отметив, впрочем, что именно в Риме они достигли своего апогея.

Следующие два доклада были посвящены особенностям религиозной жизни античного мира. Доклад *А.Н. Грешных* (Москва) «Янус и “военные” ритуалы: связи и аспекты культа» касался ритуала открытия дверей храма Януса Двуликого на римском форуме, следовавшего за принятием решения о начале военных действий. Описание ритуала, разбор его правового статуса и обращение к некоторым другим аспектам данной темы позволили сделать заключение о древнейшей связи Януса с военными культами и сакральной стороной (*fas*) «права войны» в раннем Риме. *Н.С. Широкова* (Санкт-Петербург) в докладе «Кульм Митры в Римской Британии» указала, что из всех восточных божеств, импортированных в Британию, больше всего свидетельств имеется о Митре, персидском божестве света; некоторые сведения о религии митраизма дают и археологические материалы святилищ Митры, происходящие из римской Британии. По заключению автора, приверженцы Митры в Британии, как и повсюду в империи, состояли главным образом из солдат и торговцев, которых в религии Митры, вероятно, привлекали культовая иерархия, чувство товарищества и требования моральной чистоты.

В это же время проходила работа *секции источниковедения и историографии античной истории* (председатель – С.Г. Карпюк), на которой были заслушаны шесть докладов. В докладе «Географическая работа Марка Випсания Агриппы» *Д.А. Щеглов* (Санкт-Петербург), отметив, что с Агриппой связана одна из самых дискуссионных страниц в истории античной географии, обозначил целый ряд наиболее обсуждаемых современной наукой вопросов: что представлял из себя труд Агриппы; в какой мере в своей работе Агриппа использовал достижения современной ему греческой научной географии; на какие более поздние произведения и в какой мере повлияло сочинение Агриппы и др. В докладе *А.В. Махлаюка* (Нижний Новгород) «Тема тирании в сочинениях авторов Второй софистики» была рассмотрена одна из наиболее популярных и ключевых тем в риторической литературе I–III вв. н.э. Для авторов Второй софистики (включая Диона Хрисостома, Элия Аристиды, Филострата, Менандра Ритора и др.) характерно противопоставление истинной монархии и тирании. В трактовке темы тирании можно видеть не только дань школьной традиции и не столько ностальгию по давно ушедшему демократическому прошлому, сколько фонд аргументов против злоупотребления властью, который доносит реакцию греков на правление римских императоров и современные политические реалии. *К.В. Марков* (Нижний Новгород) в докладе «“Образная” речь как форма презентации политических идей в трудах античных авторов времен Второй софистики» попытался опровергнуть нередко встречающееся в современных исследованиях определение политической мысли II–III вв. как однообразной и неоригинальной, ограничивающейся преимущественно демонстрацией лояльности к императорской власти. По мнению докладчика, произведения авторов времен Второй

софистики, особенно труды Элия Аристида, Флавия Филострата и Диона Кассия, следует трактовать как сложные по своей смысловой структуре тексты.

О.В. Пригодожская (Санкт-Петербург) в докладе «Античные источники произведений Синезия» особое внимание уделила анализу двух сочинений Синезия, епископа Птолемаидского (370/375–413/414 гг.), – речи «De regno» и произведению «De providentia», – в которых тот использовал большое количество прямых и косвенных цитат из классических античных авторов (поэм Гомера, Гесиода, трагедий Еврипида и Эсхила, философских трактатов Аристотеля и др.). Набор цитируемых произведений позволяет говорить как о круге лиц, к которым обращался Синезий (образованный слой позднеримского общества), так и об определенных идеологических установках, содержащихся в его произведениях. *А.М. Скворцов* (Челябинск) в докладе «Судьба научной школы М.С. Курторги» обозначил основные этапы существования этой научной школы: становление (1830 – начало 1840-х годов), рост (1840-е – 1850-е годы), зрелость (1860-е – 1870-е годы), «смерть». Обратившись к проблемам взаимоотношений учителя и учеников, «внутришкольных» конфликтов, отношений М.С. Курторги с коллегами, А.М. Скворцов попытался определить причины, по которым труды, созданные представителями школы М.С. Курторги, остались в XX–XXI вв., в общем-то, невостребованными.

В заключительный день работа конференции продолжилась на утренних заседаниях секций. Третье заседание *секции истории древней Греции* (председатель – А.В. Махлаюк) включало обсуждение четырех докладов. *О.А. Рыканцова* (Санкт-Петербург) в докладе «Социальная утопия в творчестве Аристофана на примере комедии “Женщины в народном собрании”» рассмотрела один из утопических проектов (в том виде, как он представлен в комедии) по укреплению Афинского государства путем обобществления имущества его граждан. Доклад *Е.В. Никитюк* (Санкт-Петербург) был посвящен теме «Аристофан и Клеон: личные враги или политические противники?» На основе анализа сохранившейся античной традиции о Клеоне Е.В. Никитюк заключила, что несмотря на вполне возможную личную неприязнь (вследствие выдвижения демагогом иска против поэта в 426 г. после постановки «Вавилонян») Аристофан в своих комедиях выражает прежде всего общее негативное отношение к политикам-демагогам того времени, обобщенный образ которых олицетворяет выведенный в комедиях Клеон. В докладе *Д.В. Бубнова* (Пермь) «Дион и италиоты» специальное внимание было уделено разбору сообщения Диодора Сицилийского (XVI. 9. 6) об участии италиотов в походе Диона на Сиракузы в 357 г. до н.э., историчность которого оценивалась исследователями различно. По заключению докладчика, италиотами Диодор в указанном отрывке называл, по-видимому, не жителей южноиталийских полисов, которые могли бы, как считает часть исследователей, оказать поддержку антиирианическому предприятию Диона, а лиц, переселенных в Сиракузы из городов Великой Греции, разоренных в ходе успешных кампаний Дионисия в Италии в 80-х годах IV в. до н.э. Доклад *А.В. Михайленко* (Санкт-Петербург) «Социальный статус гетер в Афинах IV–III вв. до н.э.» был посвящен анализу социального и экономического положения афинских гетер на материале свинцовых табличек с проклятиями. Данный источник содержит важные сведения об имущественных возможностях, деловых контактах и различных конфликтах внутри торгово-ремесленной среды, в которую активно были вовлечены женщины данной категории, в основной своей массе бывшие метеками или рабынями.

В первой половине дня 2 ноября состоялось также заседание *секции истории античного христианства* (председатель – А.Б. Егоров), программа которого предполагала обсуждение шести докладов. *А.Д. Пантелеев* (Санкт-Петербург) в докладе «Мученик и стража в раннехристианской агнографии», собрав и проанализировав рассказы о стражниках из раннехристианских мученичеств, предпринял попытку рассмотреть функции этих персонажей как в конкретно-историческом плане, так и в контексте раннехристианской литературы. Он пришел к заключению, что, с одной стороны, сюжет о пребывании героя в тюрьме был топосом античной литературы, позволявшим продемонстрировать смелость и благородство заключенных, а с другой, столкновение мученика с воинами-стражниками напоминало о «духовной войне», где христианин сражается с противником-сатаной и побеждает его. *А.В. Каргальцев* (Санкт-Петербург) прочитал доклад на тему «Некоторые аспекты появления христианства в римской Северной Африке». Христианство в этой части империи появляется достаточно поздно, лишь к концу II в., и первые источники об африканских христианах восходят к жанру мученичества. А.В. Каргальцев обратился к вопросу о характере распространявшегося в римской Африке христианского учения, о наличии в нем ересей, а также к анализу этнической картины африканской церкви и некоторым другим проблемам начальной истории христианства в Северной Африке. *Е.В. Сергеева* (Великий Новгород) в докладе «Язык жеста и коммуникативные модели в античном христианстве (к проблеме интерпретации мученической литературы II–III вв.)» рассмотрела данную проблему на материалах двух памятников агнографической литературы Северной Африки: «Мученичества Свв. Перпетуи и Фелицитаты» и «Проконсульских актов Св. Киприана». По мнению Е.В. Сергеевой, одной из существенных особенностей мученической литературы является то, что жест и движения тела оказываются здесь полноценными выразительными средствами. В докладе

были обозначены основные типы коммуникативных актов, играющих принципиальную роль в христианской семантике жеста.

Е.М. Розенблюм (Москва) в докладе «Еще раз к вопросу о датировке “Страстей св. Винценция”» указал на значительное сюжетное сходство между этим памятником и пятым гимном поэмы Пруденция «О венцах», посвященным св. Винценцию, что позволяет говорить о сознательном заимствовании. В докладе был проведен текстологический и концептуальный анализ обоих текстов, были рассмотрены отличия в выборе слов и в идейном содержании, на основании которого докладчик отдал предпочтение более раннему из двух существующих в науке вариантов датировки «Страстей». В докладе *И.А. Копылова* (Москва) «Миссия Ульфилы и проблема изучения готской книжной культуры» было подчеркнуто, что обращение в христианство готов и союзных с ними восточногерманских и ираноязычных племен в результате миссии Ульфилы и его учеников явилось настоящим культурным переворотом, открывшим для бесписьменных прежде народов мир книжной культуры. Главным следствием обращения готов в арианство и появления у готов письменного богослужебного канона следует признать возникновение единого богослужебного (и, вероятно, литературного) языка, общего для всех восточных германцев (вандалов, гепидов, бургундов, свевов). Работа секции завершилась обсуждением доклада *В.В. Василюка* (Санкт-Петербург) «Религиозный гимн как орудие религиозно-политической борьбы», в котором автор обратился, прежде всего, к анализу свидетельств, связанных с борьбой с арианством.

На заключительном пленарном заседании было прочитано пять докладов. *И.Л. Тихонов* (Санкт-Петербург) посвятил свой доклад «Хранитель древностей Императорского Эрмитажа Г.Е. Кизерицкий» анализу деятельности известного историка античного искусства и археолога, который с 1886 г. возглавлял Отделение древностей императорского Эрмитажа. Докладчик отметил противоречивый характер деятельности Г.Е. Кизерицкого, указав, что при нем продолжалось активное пополнение античных коллекций Эрмитажа, велась работа по их систематизации, однако мало внимания уделялось публикации ценных находок и, в целом, новым веяниям в музейном деле. В докладе *С.Г. Карюка* (Москва) «Хронология в “Греческой истории” Ксенофонта» были проанализированы упоминания о датировке и продолжительности исторических событий в труде афинского историка. По мнению докладчика, интерес Ксенофонта к хронологии был «внешним» и объяснялся скорее всего стремлением подражать Фукидиду. *О.Л. Габелко* (Москва) в докладе «“Псевдогалаты” и “Псевдогалатия” в античных источниках» указал, что знания древних греков о кельтах во многом оставались отрывочными и неполными даже после того, как галаты фактически стали частью эллинистического мира в результате образования собственного «племенного государства» в центре Малоазийского полуострова (270-е – 260-е годы до н.э.). Этим объясняются нередкие случаи передачи искаженной, либо даже заведомо неверной информации о галатах в трудах античных писателей. Проанализировав три подобных сообщения – Полибия (V. 53. 3), Плутарха (Mulier. virt. 259 B–C) и Стефана Византийского (s.v. Τολιτόβιοι), О.Л. Габелко сделал попытку определить причины и механизмы допущенных греческими авторами ошибок и выявить присутствующее в них реальное историческое зерно.

Б.С. Ляпустин (Москва) выступил с докладом на тему «Римское поместье в эпоху Поздней республики как демонстрация социального статуса *pater familias*». Отметив, что в современной научной литературе по экономике Рима различные типы поместья, как правило, классифицируются по степени товарности и связи с рынком, докладчик, опираясь на анализ сочинений античных авторов (Катона и Варрона), заключил, что земельные владения римской фамилии следует классифицировать и на ином основании – по уровню возможности продемонстрировать социальный статус владельца. *А.Б. Егоров* (Санкт-Петербург) в докладе «Префект претория и управленческий аппарат Римской империи I–III вв.» обратил особое внимание на внесенатский аппарат империи, основы которого были созданы еще Августом. В I–II вв., этот аппарат был еще не в состоянии взять на себя управленческие функции, однако примерно со времен Адриана он становится основой управленческой системы империи, а к III в. практически вытесняет сенат из политической жизни. В докладе была прослежена эволюция должности префекта претория, который вскоре становится руководителем аппарата, – от начальника императорской гвардии в I в. до статуса всесильного «первого министра» в III в. Завершением этого процесса, по мнению А.Б. Егорова, стали перемены времен Диоклетиана и Константина.

Итоги конференции в своем заключительном выступлении на пленарном заседании подвел председатель оргкомитета профессор *Э.Д. Фролов*. Он отметил, как важный положительный момент, активное участие в конференции молодых ученых, преподавателей и аспирантов российских университетов. При очевидной разности уровня их выступлений примечательным было стремление по-новому взглянуть на явления античной истории и культуры. Впечатляющим было также широкое представительство на конференции различных университетских и академических центров. Э.Д. Фролов выразил надежду, что традиция Жебелёвских чтений, с заслушиванием и обсуждением докладов и неформальными встречами, будет продолжена на благо университетской и академической науки.

О.В. Кулишова, Э.Д. Фролов